

Н. В. УСТРЯЛОВ

Судьба Петербурга

I

В эти дни его заката невольно вспоминается привет великого человека, ему посвященный:

Красуйся, град Петров,
и стой
Неколебимо, как Россия...

И кажется ныне, что глубокий смысл таится в этом сравнении и страшное пророчество... «Неколебимо, *как Россия...*»

Ужели и в самом деле неразрывны судьбы России с судьбами этого странного, жуткого и вместе с тем все же прекрасного, мистически неповторяемого, единственного города?..

Есть в нем какой-то особый, сверхэмпирический лик, яркий при всей его эмпирической туманности, одухотворенный при всей его эмпирической бездушности. И недаром его или обожают до поклонения, или ненавидят до неистовства...

Обманчива, неуловима как-то, многозначна его внешность, его оболочка. Вероятно, именно потому издавна считался он в России городом призрачным, «миражом», «маревом», где все зыбко и непрочно, не подлинно — и люди, и здания, и мысли, и дела. И русская литература, и публицистика русская словно чурались его, подходили к нему боязливо, точно к наваждению... А некоторые, возбужденные экстатической враждою, даже творили заклинания: «Петербург быть пусту»...

В литературе нашей лишь Пушкин солнечным утверждением принял, благословил этот роковой город, с гениальной непосредственностью, обличающей вещи невидимые, поверил реальности его величия, его твердыне. Пусть из тьмы веков, из топи блат вознесся он, но гений, вызвавший его к жизни, преодолел, поко-

рил эту тьму и топь, и эти пустынные волны и мшистые берега, творчески победил природный хаос, гранитом сковал стихию, и по державному манию его руки на месте изб убогого чухонца пышно и горделиво восстали громады стройные. Он реален, этот дивный город, как реальна страна, его принявшая в себя. И даже тогда, когда особенно похож он на бледное привидение, когда прозрачный сумрак объемлет его и вот-вот, чудится, поглотит, — и тогда поэт не сомневается в его подлинности:

И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

II

Кажется мне, что в этом старом споре о Петербурге правда на стороне Пушкина. И здесь, как везде, как всегда, проникновенен взор великого поэта и мудр его символический язык.

Нет, не случайно, не по царской прихоти и не по историческому недоразумению Великая Россия самоопределилась именно в Петербурге. Тяга на Запад связана с исконными традициями русской истории — и путь Европы, как и путь в Европу, — исторический путь. Петербург — подлинно русский город, несмотря на его интернациональную внешность и немецкое имя. Его *призрачность призрачна*, ибо корни его уходят глубоко в русскую почву, неразрывны с некоторыми существеннейшими чертами нашей национальной души. Он сроднился с Россией, вошел в ее плоть и кровь, стал неотъемлемою частью ее существа. *Через Петербург превратилась Русь в Великую Россию.*

Он — живой документ воли и способности русского народа к широкому государственному строительству, к великодержавию. В его «строгом и стройном» облике, как в фокусе, выявились центростремительные силы, сумевшие создать великую империю. Русский абсолютизм в Петербурге сказал свое слово, и оно услышано историей, оно услышано всемирной культурой. Нельзя не признать, что именно петербургский период вывел Россию из древней ограды московского провинциализма на путь подлинной европейской и мировой государственности. И не выкинешь этих двухсот лет из жизни народа.

«Петербург — второй Берлин»... Нет, это не верно. Или, если даже и верно, то с такою оговоркой, которая сразу уничтожает всю однозначность подобного сравнения. Петербург — второй Берлин, «но только с русской душой». Петербург насквозь «мис-

тичен», духовен, в нем нет ни грана мещанской успокоенности и специфического, безвкусного самодовольства, столь характерных для Берлина. В нем конкретно чувствуется, во что обошлась России империя, как труден был подвиг преодоления русского хаоса. И вся история этого города от дворцовых переворотов XVIII века, от страшного конца царевича Алексея и убийства в Инженерном замке до прошлогоднего события в особняке на Мойке и у Обводного канала — вся она овевана какою-то трагической таинственностью, словно дыханием какого-то рока. *То душа русского народа мучительно боролась сама с собою.* В течение всего этого бурного двухсотлетия непрестанно колебалось дело Петра под напором стихии, им побежденной, но не сокрушенной, не убежденной до конца и все еще бунтующей.

И уже к середине прошлого века русское государство начинает изнемогать в борьбе со своим собственным содержанием, явившимся печальным результатом тягостного разлада двух «частей» русской души. Все тяжелее и тяжелее становится для Петербурга крест русского великодержавия. Все сгущаются и плотнеют туманы у подножия Медного Всадника...

Русский абсолютизм мало-помалу вырождался. Порожденный национальным гением Петра, прославленный гением Екатерины, всенародно освященный в годину отечественной войны, он получает первое предостережение на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, дает первую трещину в 1856 году и с тех пор медленно склоняется к упадку. Великодержавный замысел, составляющий «душу» петербургского *raison d'être* * Петербурга, встречает препятствия все более и более непреодолимые.

Империя, в общем, верная традициям Петра, при осуществлении этих традиций постепенно становится на ложный путь. Народную тему она не хочет разъяснять просвещением, но пытается использовать во славу отвлеченного цезаризма. Национально-государственное единство она поддерживает не властью духовно-культурного преобладания, а исключительно лишь мерами насилия. Она болезненно боится критики и восстанавливает против себя все русское общество, развращая его своими гонениями, атрофируя в нем чувство государственности и национальной ответственности и развивая тлетворные тенденции прекраснотушия и утопизма. Мало-помалу Петербург превращается в Знамя «казенщины», «отчуждения от народа», и широко распространяется в русской интеллигенции естественная, но в корне

* смысл существования; разумное основание (*фр.*). — *Ред.*

своем все же предрассудочная вражда к нему, ибо в этой вражде игнорируется то ценное, то великое, что в нем заключено.

Солнце русского великодержавия клонится к закату. И поистине, вина за это падает столько же на петербургскую власть, дурными средствами отстаивавшую самый этот принцип, враждебно чуждавшуюся его и систематически подрывавшую его авторитет в народном сознании.

III

Как известно, славянофилы первые ополчились на «петербургский период русской истории» (кажется, им принадлежит и самый этот термин) и объявили беспощадную войну Петербургу, этому «эксцентричному центру» России, этому «городу бюрократической опричнины, где народная жизнь не чувствуется и не слышится, а только рапортуется», этому своеобразному окну в Европу, смотреть в которое можно лишь обратившись спиной к России...

История зло посмеялась над этими насмешками и чисто мифистофельской пародией ответила на славянофильские мечты: вот низвергнут Петербург, *Москва стала вновь столицей России*. Но что бы сказали старые славянофилы, увидя такое «осуществление» своего заветного чаяния? В древнюю Москву переехало из обанкротившегося Петрограда русское «Государство», и в святом Кремле водворилось русское самодержавное Правительство. Ну а «Земля» периодически представляется своеобразным «Земским Собором», «Всероссийским волостным сходом» в Благородном собрании — съездом Советов. К миру всего мира призывает преображенная Русь народы гнилого Запада, увлеченные смертоубийственной распрей, и проливается с Востока «новый свет», ex Oriente lux... * Действительно, что бы сказали Киреевские, Аксаковы, Хомяковы, увидя такой конец ненавистного «петербургского периода»? Трудно придумать злейшее издевательство над славянофильскою идеологией, нежели то, которое придумала жизнь...

Нет, без петербургского «государства» недалеко ушла московская «земля». Опрокинута Империя, исчезло то злое, что в последние годы или, быть может, десятки лет она с собою несла. Но вместе со злом уничтожено и великое дело ее, разрушен великой

* свет с Востока (лат.). — *Ред.*

подвиг собирания государства, созидания державы. Вновь торжествует на Руси древний русский хаос, разбит невский гранит, празднуют праздник центробежные силы, бунтует русская вольница, и одинок Медный Всадник на Сенатской площади. Словно исполнились неистовые интеллигентские заклатья — «Петербург быть пусту»...

И если суждено опять возродиться России, она прежде всего должна принять правду петербургского периода своей истории, принять его «идею», его «душу». Не бояться великодержавия должна она, а смело став под его знамя, идти в мир как великое и единое государство, как нация, многоплеменная по своему составу, но целостная по своим державным устремлениям и по своему культурному облику. Ложь петербургского абсолютизма последних царствований должна быть навсегда обличена, и воистину она уже изжита, искуплена в нынешних страданиях несчастной страны. Но душа Петербурга должна возродиться, и дело Великого Петра — стать снова делом русского народа.

Какова бы ни оказалась организация государственной власти России в результате переживаемого сейчас хаоса, ясно одно: основною задачей этой власти будет задача воссоздания великого русского государства, потрясенного и расколотого войною и революцией. Логикой истории и силою вещей Россия вновь вернется к пути и традициям Петра. Правда петербургской идеи и национальная реальность Петербурга должны быть раскрыты до конца и освящены высшим утверждением. Опять, и на этот раз уже окончательно, будет преодолен старый русский бунт творческими силами русской души. Иначе нынешний закат Петрова города станет и крушением Петрова дела, закатом России.

1918

